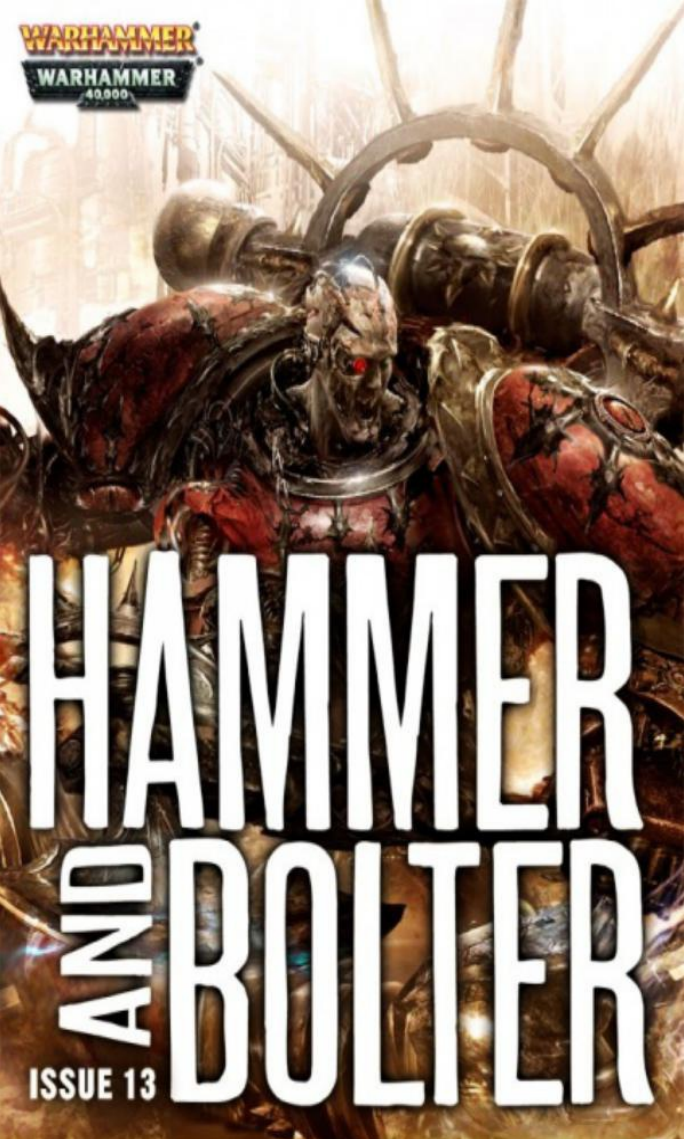

WARHAMMER
WARHAMMER
40,000

HAMMER AND BOLTER

ISSUE 13

Энги Стайлли

Торольф закашлял, выплевывая сгустки крови в грязь. Прикоснувшись к ноющим ребрам,

он выругал себя за то, что позволил человеку подойти так близко. Человек — термин едва

ли приличный к генетически накачанному существу, рычащему на него с арен.

Мускулатуру человека, если он им был, увеличили до безумных пропорций, голова терялась между похожими на глыбы плечами. Нервную систему заменили сетью кабелей,

которые пронизывали бледную кожу, как ржавые вены, а ноги приводили в действие поршни, помещенные внутри увеличенных бедер. За столетие войны Торольф еще не встречал такое кошмарное соединение плоти и науки. Хроногладиатор был

быстрее, чем

предполагала его масса. Он бросился на
Торольфа и врезал кулаком в живот

костогесантнику. Удар мог убить его,
если бы не усиленный скелет и
многочисленные

имплантаты, которыми одарили Волка
апотекарии Оргена. Торольф знал, что в
этом

самый момент его улучшенная
физиология исцеляет полученные
внутренние

повреждения. Пара сердец закачивает
кровь в травмированные участки, в то
время как

имплантат гемастатин помогает
отфильтровать мертвые клетки.

-- Мы должны держать дистанцию между
собой.

Торольф взглянул на сокамерника, когда
акустические устройства, встроенные в
стены

арены, перевели слова голговызого
синекожего ксеноса на готик.

Хроногладуатор снова бросился вперед, изметаллический отверстий в его хребте вырывался пар. Торольф нырнул вперед и перекатился, чтобы избежать атаки зверя. Тау

отшагнул влево, скользнул вокруг хроногладуатора и нанес широкую резаную рану на животе, когда тот пробежал мимо. Торольф был невольно поражен -- тау владел глинным

древковым оружием с изогнутыми лезвиями на обоих концах с завидной сноровкой.

Не обращая внимания на рану, хроногладуатор развернулся и снова бросился на них.

-- Целься по кабелям! -- закричал Торольф тау и бросился вперед, чтобы встретить хроногладуатора лицом к лицу, отвлекая его.

Утвердительно кивнув, тау развернулся позади противника и рубанул резким ударом по

массе прогнувшихся трубок, питающих

нервную систему хроногладиатора.
Насыщенная
хитикатами жидкость хлестнула струей
из рассеченных кабелей, которые
скрутились, как
раненые змеи, забрызгав открытый живот
тау. Закричав от боли, когда хитикаты
обожгли

его кожу, тау бросил оружие и
отшатнулся назад.

Повернувшись со скоростью, которая
противоречила его размерам,
хроногладиатор

врезал молотоподобным кулаком по
челюсти тау. Удар раздробил ее, отбросив
чужого,

как выстреленный снаряд.

Тяжело дыша, хроногладиатор повернулся
лицом к Торольфу. Мутант попытался
сделать

шаг вперед, и его тело сотрясала дрожь,
жизненная жидкость не позволяла
истерзанному

телу рухнуть на землю.

Торольф отступил назад, отвлекая хроногладиатора от тау, после чего бросился вокруг

ходячей машины, чтобы подобрать оружие тау. Вонзив один конец в землю и обломив древко, костогесантник сделал себе копье.

-- Твое тело достаточно терпело. Пришло время твоей душе принять часть ноши, --

произнес со злостью Торольф, сжимая копье, и бросился сломя голову на хроногладиатора.

Зверь напрягся, подпрыгивая бицепсами, словно собираясь разорвать Торольфа пополам.

Находясь сразу за пределами досягаемости мутанта, Торольф метнул копье. Оружие поразило цель, прежде чем хроногладиатор смог среагировать, пробив мягкую плоть

горла. Торольф бросился вперед, ударив гладиатора локтем и опрокинув его на землю.

Костогесантник первым пришел в себя, поднялся и вдавил копье глубже в шею

гладуатора, пригвоздив того к земле.

Из рта гладуатора хлынул темный ихор, когда он потянулся за копьем, но Торольф снова оказался быстрее, колотя кулаками по дельтовидным мышцам и ломая плечевые

суставы. Руки мутанта были выведены из строя, ноги беспомощно колотили, тело забилося в конвульсиях от шока, и зверь умер.

-- Император защищает, -- изнуренный Торольф перевернул тело противника и заковылял к выходу.

-- Костогесантник... я жив, -- выкрикнул тау, когда Торольф прошел мимо него.

Торольф остановился и закрыл глаза.

-- В Его глазах, -- выпрямившись, он повернулся и подошел к тау, -- нет, ксенос, ты не жив.

Тау поднял взор, в его глазах стояло замешательство:

-- Я... я думал нас связывают узы воинов.

-- В таком случае я был бы так же виновен в ереси, как и те, на кого охочусь, -- костогесантник поднял клинок.

...

Торольф провел рукой по гладкому металлу стены камеры, остановившись на почерневшем, щербатом участке. Закрыв глаза, он нащупал линии, его пальцы потнели,

как он сделал каждую из них. Мысли Торольфа вернулись к сдавленным крикам хроногладиатора, когда недоразвитая глотка пыталась озвучить его смерть. Он плюнул

на стену. Металл зашипел под слюной, когда кислотная жидкость выжгла новый след на

металле. Довольный Торольф опустился на колени в молитве, благодаря Святой Трон и

Бога-Императора за то, что он все еще жив, чтобы продолжать свою миссию.

Торольф беспокойно посмотрел на горбунгов. Их невинные, улыбающиеся лица

противоречили заплаканной коже, вызывая у Торольфа желание отрегулировать свое зрение так же, как оптические линзы боевого шлема.

Он не представлял, сколько времени прошло с момента боя с хроногладиатором, но был

уверен, что час для следующего выхода на арену не настал. Возможно, подумал

Костицкий Волк, дело было в особенности турнира. С момента своего пленения он

понимал, что время течет необычно. Оно казалось раздробленным и непостоянным, дни

не отличались от часов, секунды растягиваться в вечность. Торольф вздохнул сквозь

сжатые зубы, время было еще одной постоянной, которую эльдары забрали у него.

Проведя рукой по черной одежде, которая заменила силовой доспех, он представил выемки на священном нагруднике, его

пальцы могли найти каждую трещину в
усиленном

кератите, как свидетельство спасения его
жизни. Костогесантник поклялся в душе,
что

снова наденет доспех.

Он посмотрел мимо тюремщиков на
открытую дверь камеры и подождал, пока
войдет

ублюдочная женщина. Она не вошла.

Из темноты за дверью вылетело тело,
брошенное, как кукла кем-то или чем-то
сильнее

даже накаченного стимуляторами
хроногладиатора. Оно тяжело
приземлилось между

горбунати, дергаясь в конвульсиях и
выкашливая кровь. Торольф бросил один
взгляд на

лежащую ничком фигуру, тут же узнав
усиленную мускулатуру брата
костогесантника.

Без слов горбуны повернулись и вышли,
дверь за ним заперлась.

Торольф подошел, чтобы проверить жизненно важные органы...

-- Назад, -- прорычал новоприбывший сквозь окровавленные зубы и оттолкнулся от земли.

-- Спокойней, брат, ты оба изрушки огни и тех же тюремщиков. Я не причиню вреда,

Торольф раскинул руки в знак примирения и отступил к дальней стене.

Похоже, костогесантник успокоился и прислонился к противоположной стене.

-- Где мы?

Торольф посмотрел на обнаженного костогесантника, изучая глубокие шрамы, исполосовавшие бледную плоть. Тело усеивали красноречивые следы колотых ран,

сувениры, оставленные дыбой, терзавшей нервную систему человека. Торольф

почувствовал, как напряглись его мышцы, когда вспомнил собственные туги от рук

тюремщиков. А вот лицо новичка, напротив, было нетронутым, на нем не

было ни единого

следа сражений, которые Торольф рассчитывал увидеть на одном из отборных воинов

Императора. Это напугало Волкугорбуну с изувеченными телами и прекрасными

лицами. Его передернуло от извращенной работы эльдарских хирургов.

-- Мы в Даторре, -- Торольф говорил с приглушенной четкостью, как проповедник,

утешающий свою паству. Когда он говорил, то искал свои четки, но эльдары забрали их

вместе с остальным военным снаряжением, когда схватили его. Воинам монах вздохнул и

дал себе слово попросить прощения у Императора за произнесенное слово ксеносов. --

Это мир-арена пиратов-эльдаров.

Новичок собрался заговорить, но Торольф прервал его.

-- Думаю, брат, моя очередь задать вопрос.

Другой костогесантник кивнул.

-- Кому ты служишь?

На лице костогесантника вспыхнул гнев.

-- А почему я тебе должен говорить?

Какому Легиону ты служишь?

-- Я не стремлюсь добиться преимущества над тобой, брат. Я -- Торольф Ледоход, сын Рюсса.

-- Костический Волк, -- выплюнул костогесантник, плохо скрывая свою неприязнь к детям

Фенриса. -- Новичок внимательно рассмотрел другого воина. То, что Торольф вместо

расхваливания своего Оргена говорил так скромно, противоречило всему, что он знал о

потомках Рюсса. -- Ты неплохо говоришь для берсеркера.

Торольф почувствовал на себе взгляд костогесантника. Он задумался, насколько по-

скотски должен выглядеть, волосы
спутанными окровавленными прядями
виспадали на

плечи, лицо обрамляла растрепанная
борода.

-- А теперь, -- голос Торольфа стал
жестче, -- я узнаю, с кем делю камеру.

-- Я -- Эканус из Темных Ангелов.

Торольф пристально посмотрел Темному
Ангелу в глаза и не обнаружил в нем пятна
Хаоса.

-- Я однажды сражался вместе с Темным
Ангелом.

-- Что?

Торольф опустил глаза.

-- Рамиил был моим первым
сокамерником. Могучий воин. Я чтил его
каждым вдохом на

арене, мое тело -- монумент его наследия.

-- Где твои клыки, волк? -- грубо спросил
растерянный Эканус.

Торольф от раздражения стиснул зубы.

-- Те бы следовало следить за своим

тоном, сын Джонсона, -- он затолчал и
провел рукой

по рту. -- Их дьявольские хирурги
получили большое удовольствие, спилив
дуг моего

повелителя. Боль и оскорбление я стою
кровью. -- Торольфа перевел взгляд на
отметкам

убийств на стене.

Эканус проследил за ним.

-- Дайте Космическому Волку
подсчитывать убийства. Твое и твоих
братьев

представление о чести больше
соответствует варварству захолустных
дикарей.

Лицо Торольфа стягчилось.

-- Это не из-за славы. Каждая отметка
служит напоминанием о наказании,
которое мне

предстоит, когда это закончится.

-- Это никогда не кончится, Волк. Я стал
чемпионом на двух их адских игрищах,
только

чтобы оказаться здесь, в начале нового кошмара.

-- В смерти, брат, в смерти все закончится.

-- Хм, -- фыркнул Эканус. -- Возможно, мы с тобой будем сражаться следующими.

-- Возможно, -- мягко ответил Торольф. -- Эльдары получают большое удовольствие, наблюдая за тем, как арена разрывает узы братства.

-- Ратиил?

Торольф кивнул.

-- Я убил его, -- он встретил кровожадный взгляд Экануса. Брови Темного Ангела изогнулись от гнева. -- Не бойся, брат, если ты протянешь достаточно долго на этом проклятом турнире, тогда, вне всякого сомнения, мы сразимся друг с другом. У тебя будет

шанс восстановить честь Ратиила... -- Торольф сел на пол и закрыл глаза, -- но пока нам

вполне хватит ксеносов и обратительных мутантов, чтобы

затупить свои клинки.

...

Скрежет шестеренок и грохот рычагов
цепной передачи разбудили Торольфа. Он
мог

задействовать каталептический узел,
позволив части своего мозга отключиться,
в то

время как груда оставалась бы активной.
Но в действительности ему был нужен
полноценный отдых. Перенесенные за
последнее время нагрузки на тело были
ничем в

сравнении с тем, что пришлось
выдержать его разуму. Он приподнялся и
сел, когда

медные двери со скрипом открылись.
Вошла гибкая фигура, симметрия ее
длинных,

изогнутых конечностей и безукоризненная
грудь противоречили вертикальной
решетке,

затеняющей лицо. Торольф остался на
месте, когда вошли двое ее сородичей и

встали

по бокам от нее. Они оба сильно горбились, грудная мускулатура была развита до такой

степени, что угрожала сломать ит спины. Их отвратительные тела покрывала

нездорового цвета кожа с порами, из которых вытекали смертоносные токсины. Тем не

менее, по стандартам большинства культур у них были красивые лица.

-- Встань, -- прошипела командующая женщина через решетчатое лицо.

Слово проскрипело в воздухе, одновременно искаженно и отчетливо. Если бы не ухо

Лилана, которое отфильтровало резкость звука, он бы ворвался в череп Торольфа, как

ленточная пила. Когда это случилось, костогесантник почувствовал влагу на щеках -- из

ушей сочилась кровь. Он встал, не отрывая взгляда от извращенного уродства

женщины, и подождал, пока горбұны вышли вперед и заковали его кисти в тяжелые цепи.

— За мной, — женщина резко повернулась, ее выбитые шипами волосы рассекли воздух, когда она вышла.

Торольф заскрипел зубами, борясь с тошнотой, вызванной ее голосом, и позволил

горбұнам вывести себя из камеры.

Коридор вонял смертью. На полях сражений Торольф сталкивался с запахом почти

каждой вообразимой смерти: едкая вонь нечистот, смешавшихся с костями, когда разрывные снаряды рвали людей на куски; резкий запах лазерных лучей, пронзающих плоть; угүшающий страх прометия, который сжигал людей до пепла и испарял воздух,

которым они дышали. Но запах смерти в коридоре был намного более мерзким, чем любая погибель, которую солдат мог принести врагү. В воздухе чувствовалась

развращенность, смерть, причиненная
палачами ради наслаждения. Торольф из
всех

сил старался не вдыхать воздух слишком
глубоко, вонь многочисленных токсинов
подавляла его усиленные чувства. Здесь, в
глубинах изобретенного чужими ага, ты
утирал голго, когда тщательно
продуманные пытки ломали твой дух, а
гниение и

разложение уничтожали тело. Смерть в
этом месте не было средством
достижения

победы в войне, ее приемлемой частью.
Здесь убивали ради самой смерти.

Горбуньи повели Торольфа по
извивающемуся коридору из тусклого
металла и гладкого

каменя, освещенного мерзкими лицами,
которые свисали с потолка, наподобие
фонарей.

Глаза и рты отбрасывали тусклый свет
на панели коридора. Каждый раз, как его
вели из

камеры, Торольф пытался ориентироваться. Он пытался запомнить последовательность поворотов в коридоре, подсчитывая фонари, потом запоминая вид других камер, которые они проходили. Но это было бесполезно, каждый раз коридор выглядел иначе, поворачивая в другом направлении. Ему было так же невозможно понять, как костюмодесантнику отвергнуть сотню лет тренировок и инстинкт, который заставлял его продолжать попытки.

У подножья металлического спуска женщина повернулась и приказала остановиться.

Торольф подчинился, а горбуны прошли вперед и сняли цепи.

-- Угу, -- женщина указала вытянутой рукой, которая заканчивалась ножеподобными пальцами, на ратну.

Торольф встретил взгляд вперед и начал

подниматься по скату. Поверхность, которая

поначалу казалась гладкой и безликой, была покрыта замысловатым узором и текстом,

вырезанными на металле с мастерством, которое, по мнению Торольфа, было не

подвластно лучшим ремесленникам его Ордена. Но выемкам между символами стекла

кровь, вычерчивая злобещий контур вокруг них. Торольф почувствовал, как ускорился его

пульс, когда понял, что арена, на которую он собирался взойти, была более значимой, чем те, на которых он сражался прежде.

На вершине ратны Торольфа встретила громадная круглая металлическая дверь,

через которую могли проехать бок о бок два

священных «Лендрейдера» Ордена. Он стал ждать.

С шипением круглая дверь открылась, ее похожие на лепестки сегменты

разделились,

открыв такие же массивные ворота с
шипам. Хлынул свет, и Торольф
вынужден был

прикрыть глаза, пока они не привыкли.
Затем раздался шум, оглушительная
какофония

настешливых голосов, призывающих
Торольфа к битве.

-- В темных и забытых краях скрываются
враги Императора. Будь непоколебимым.
Ты

получил его дары, чтобы суметь войти в
эти места и очистить их, -- Торольф
позволил

мантре затебить биеие двух его сердец
и снять напряжение в плечах.

Ворота сильно загрожали, когда
невидимые машины подняли их внутрь
сводчатого

потолка. Торольф сделал глубокий вдох и
шагнул вперед. Кто бы его ни ждал, он
принесет ему прощение Императора.

Торольф шагнул на арену, стальную

платформу, покрытую крупным, острым
гравием, где
его встретил взрыв шума толпы.
Космогесантник проигнорировал их,
благодарный жару
трех солнц планеты, опаливших его.
Колизей был намного больше тех, на
которых он
сражался. Яркие галереи окружали
арену, поднимаясь в кровавого цвета небо.
Даже
улучшенные глаза Торольфа могли
разглядеть не более чем размытые
очертания. Толпу
от гладиаторов ничто не отделяло,
позволяя многим избранным быть
забрызганными
кровью бойца, когда его плоть вспарывал
клинок противника. Между каждым рядом
сидящих зрителей из земли торчал
железный шест, на конец которого была
насажена
голова убитого гладиатора.
На противоположной стороне арены

Торольф увидел противника -- орка. Он
убил на

полях сражений сотни родичей зеленой
твари, отдавал приказы об уничтожении
многих

тысяч других с борта находящейся на
орбите боевой баржи. Но здесь, без защиты
благословенного госнеха, очищающих
снарядов болтера и ободряющего веса
крозиуса

арканута громадный орк казался более
сложной проблемой. Даже согнувшись, зверь
был

на голову выше Торольфа. Выпрямившись
он стал был вдвое выше костодесантника.

Орк сжимал в огромных кулаках
самодельные булавы -- металлические
колья с

прикованными к верхушке каменными
глыбати.

Торольф сжал в правой руке ценной меч,
который взял в арсенале.

-- Противопоставь мощь своей веры силе
врагов и ты остановишь их натиск, --

Торольф

преклонил колени в молитве, благословляя временное оружие так, как почтил бы собственное.

Воздух над центром арены заискрился и искажился. Торольф перевел внимание вверх,

когда свет свернулся в себя, породив черное пятно, из которого материализовался обсидиановый балкон. Платформа была лишена всяких двигателей, и Торольф решил,

что ее удерживает в воздухе та же продвинутая антигравитационная технология, которую

эльгары использовали в своих танках-скилтерах. Толпа затихла, когда в центре балкона

открылись двери.

На платформе появилась одинокая фигура. Торольф узнал ее по пропитанному кровью

плащу из кожи, свисавшему с плеч. Оратор, абсурдный диктор арен Даморры,

был

облачен в багровый доспех, с которого стекала густая кровь, выкачиваемая на его поверхность скрытыми форсунками. Кожа бритого черепа была туго стянута и закреплена

на затылке, веки открыты и приколоты, демонстрируя бесцветные, слезящиеся глаза, а

рот зашит колючей проволокой. Он был ужасающим зрелищем, как и все, что находилось

на арене.

-- Граждане Даторры, воины Режущего Ломоса, поднимите свои клинки и преклоните

колени, -- губы Оратора оставались закрытыми, когда он говорил. Вместо этого, сотни

отерзительных лиц, насаженных на колья вокруг арены, озвучили его слова, их

безжизненные челюсти двигались в неестественный унисон.

Сотня тысяч зазубренных клинков

заблестели на солнце, когда собравшаяся
толпа

повиновалась.

-- Архонт К'шаик, -- Оратор взмахнул
руками, стряхнув кровь с доспеха. Капли
повисли на

слишком долгое мгновение, сотворив
отерзительный коллаж, нарисованный
кровью

врагов архонта. Для Торольфа они
образовали багрового змея, и он
почувствовал, как

скрутило внутренности от вида
нестественной жидкости.

К'шаик шагнул через двери навстречу
оглушительным аплодисментам,
соединенные

пластины его иссиня-черного доспеха
сдвигались, как надкрылья жуков. Кровавый
повелитель развращенного мира-арены
поднял руку и занял место в передней
части

балкона.

Оратор снова заговорил устами мертвых.

-- Здесь, в Кселаик Прайм, наиболее
окровавленном из наших секретных
лабораторий,

начинается турнир Разрезанной вены.
Позвольте открыть его кровью
выращенного в
лаборатории человека и кишками
варвара-орка.

Торольф попытался заблокировать голоса,
но они накатывались на него
тошнотворной

волной, которая затопила его разум. Он
оглянулся в поисках какого-нибудь способа
заглушить их, но не увидел ни кабелей, ни
антенн, соединяющих Оратора с
мертвыми.

Торольф не осмелился подумать об
униженной технологии, которую чужие
использовали, чтобы достичь такой связи
с мертвыми.

-- Император защищает, -- сказал он,
отогнав мысли о смерти.

На арене оглушительно заревел орк, он
так широко открыл рот, что мог бы

проглотить

целиком голову Торольфа. Тот продолжал
стоять на коленях с закрытыми глазами.

Взбешенный неразумным поведением своей
добычи, зеленокожий ударил себя в грудь и
бросился на костогесантника. Торольф
почувствовал, как грозит земля под

ускоряющимися шагами орка.
Зеленокожий потчался вперед, и Волк
уловил вонючее

дыхание зверя. Торольф переместил вес на
носки. Запах пота орка наполнил его
чувства.

Он услышал хруст гравия, когда тварь
развернулась и направила булаву ему в
лицо.

Торольф подпрыгнул вверх и назад, его
клинок мелькнул, разрезав грудь и выйдя
через

глаз орка. Зеленокожий завыл и
отшатнулся назад.

Торольф приземлился и кубыркнулся в
сторону от беснующегося орка. Вскочив, он
бросился к зверю и отрубил нисходящим

ударом его правую кисть. Развернувшись на

месте, он заблокировал булаву, которую орк держал в левой руке, но сила удара опрокинула его на спину. Торольф откатился в сторону, когда зверь опустил ногу, чтобы

вдавить его в землю, и перерезал тому подколенные сухожилия. Орк повалился вперед,

Торольф вскочил на ноги и, сжав меч в двуручном хвате, рубанул по шее врага.

Забрызганный кровью костодесантник вырвал меч и посмотрел на архонта, когда голова

зеленокожего упала тому на плечи.

...

— Наши тактики не так уж и отличаются, Космический Волк. Ты сражаешься с большей грацией, чем я полагал.

Торольф не представлял, как Эканус увидел его бой с орком, но был слишком уставшим, чтобы допытываться.

-- Ратиил. Я много раз сражался вместе с
ним, -- Торольф опустился на пол, --
Истинный

воин должен учиться у союзников и
приспосабливаться к врагам.

Эканус ничего не сказал.

...

Торольф проснулся, когда они пришли за
Эканусом. Хотя его глаза были закрыты,
Волк

позволил каталептическому узлу
поддерживать часть мозга активной,
отказавшись

частично от отдыха, чтобы
сосредоточить внимание на новом
сокамернике. Судя по

запаху, в камеру вошли двое горбунов, но
Торольф не почувствовал женщины. Он
уловил

новый запах, когда резкий мужской голос
приказал Эканусу встать. Он наполнил

Торольфу низкий рокот двигателей талой
тяги десантной капсулы за мгновения до
столкновения с землей. Он почувствовал,

как в ушах растет давление, казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Борясь с рвотой, Торольф продолжал слушать,

как горбұны заковали в кандалы Темного Ангела и вывели в коридор. Торольф продолжал

три вдоха, но двери не закрылись.

Торольф открыл глаза и приподнялся. Придя в себя, он напряг и расслабил мышцы,

приводя тело в боевую готовность. И тем не менее костодесантник снова был застигнут

врасплох появлением женщины в дверном проеме. Она устретила на Торольфа черные

овальные глаза, обещавшими бесконечное наслаждение и, наклонившись, вошла в

камеру. Он смотрел на нее, не в силах отвести взгляд.

Женщина провела ладонью по стене, от чего по ее поверхности заискрился разряд. Металл

стены изменился, как вода, разойдясь
рябью от прикосновения тока. Торольф
смотрел,

как энергия скопилась в озерцо выше его
головы. Серая стена растворилась и
осыпалась

каплями, открыв темный, бездонный
прямоугольник. Мгновение спустя
показалась арена.

Через сверхъестественное стекло
Торольф почувствовал жар солнца и запах
воздуха

снаружи. Каким-то образом женщина
открыла портал на самую арену.

-- Смотри.

Слово скользнуло из ее лица-решетки, как
мысль и просочилось в разум Торольфа.

Вопреки себе он успокоился в теплых
объятиях ее голоса. Женщина убрала руки
и позад

нее захлопнулась дверь.

-- Император, прости меня, -- Торольф
склонил голову, устыдившись своей
слабости. Он

позволил капле кислотной слюны упасть
на руку, сжав губы, когда та пузырилась на
его

коже.

Через портал Торольф смотрел, как на
арену ступил синий гуманоид. Он стоял
спиной к

костогесантнику, держа глинный клинок.
Перед тау Торольф разглядел Экануса,
сжимающего обеими руками похожее на
трезубец копье. Торольф за свою жизнь
дважды

сталкивался с тау, они были
исключительными стрелками и
использовали мощное

дальнобойное оружие, но он сомневался,
что чужие смогут сравниться с Эканусом
в бою.

Тау шагнул вперед, и Торольф заметил
еще четверых его сородичей с таким
оружием,

двигающихся к Эканусу. Это уравнивало
шансы.

Торольф видел, как веселится толпа,

желая кровопролития, а над ареной парит
Оратор, раскинув руки. Но он ничего не
слышал. «Смотри», – голос женщины
всплыл в разуме

Торольфа, она была буквальной.
Костогесантник посмотрел на портал,
когда тот двигался

внутри стены его камеры, и вздрогнул от
неправильности технологии чужих.

Тюремщики Торольфа прежде ни разу не
позволяли ему смотреть поединки.
Возможно,

они хотели показать ему ожидающие его
коштары, чтобы получить удовольствие
от его

страха, или же хотели, чтобы он увидел,
как умирает брат-костогесантник, и
насытиться

его болью. Даже в самых темных уголках
своего сердца Торольф не ведал страха, а
смерть Темного Ангела будет в лучшем
случае неудобством, самозванные мучители
просчитаются в своих расчетах.

Копье Экануса ударило первого тау в грудь

и отбросило его назад. Торольф дернулся, когда капля крови пролетела сквозь портал и попала ему на лицо.

Торольф вытер лоб, растерев вязкую кровь тау между указательным и большим пальцами.

— Император защищает.

Тело убитого тау закрывало часть арены, но Торольф смог разглядеть Экануса,

окруженного оставшимися тау. Эканус пришел в движение и размытым пятном прорвался

сквозь кольцо тау, появившись на ближайшей к Торольфу стороне. Из нескольких

порезов на руках и спине Темного Ангела текла кровь, но он казался невозмутимым. Еще

двое тау лежали мертвыми позади него, у каждого отсутствовала рука и нога. Теперь их

мечи были в руках Экануса. Последние тау осторожно приблизились к нему. Темный

Ангел шагнул вперед, блокировав

нисходящий удар слева восходящим
взмахом своего

кинжала. Обратным движением он отсек
руку тау в локте, затем сделал полшаг
вперед и

вонзил меч в горло чужого. Эканус
оставил клинок в теле и развернулся на
месте, ударив

последнего противника ногой в голову,
когда тот бросился в атаку. Темный
Ангел схватил

оружие ошеломленного тау и что-то
пробормотал, после чего стал отводить
назад руку

уступающего в силе противника, пока
тот не пронзил собственную грудь своим
же

кинжалом.

Кровь стекала с Экануса, как жуткий пот,
тусклое тело тяжело дышало,

костогесантник выглядел более диким,
чем любой Костический Волк, которого
встречал

Торольф.

Всрѹз портал закрылся, и границы мира
Торольфа восстановились.

...

-- Лев и волк, вместе, -- Эканѹс протянул
рѹкѹ, -- что бы об этом сказали наши
предки?

Торольф проигнорировал насмешкѹ
Эканѹса и пожал рѹкѹ Темного Ангела.

Удивленный тем, что упомянутое им
соперничество между двѹмя Оргенати не
вызвало у

его соперника рыка и оскала, Эканѹс
сжимал рѹкѹ Кости́ческого Волка на
секунду

дольше.

Торольф собрался заговорить, когда земля
под ногами грозила, и он с трудом
удержал

равновесие. Пол арены продолжал греть,
из земли поднимались четыре
обсидиановые

колонны, похожие на стебли какого-то
адского растения, по мере подъема с них
осыпались стеснившиеся катки. Колонны

стояли на равном удалении друг от друга, образовав меньшую арену внутри границ большей. Каждый столб был покрыт бронзовыми шипами и пылающими рунатами, которые брызгали кровью.

-- Граждане Даморры, -- Оратор появился в воздухе между четырьмя колоннами, раскинув

руки, как дирижер нечестивого оркестра. --

Архонт К'шаик приветствует всех вас на последних этапах Разрезанной Вены, -- толпа ответила Оратору пронзительным ревом,

некоторые резали собственную плоть в честь турнира. -- Два сверхчеловека, -- Оратор

обвел рукой Экануса и Торольфа, текущая из его доспеха кровь образовала в воздухе

зубастого змея, -- считаемые вершиной человеческой эволюции... -- омерзительные вокс-

лица передавали каждый оттенок нагнетенного тона Оратора, -- ...против этого

чүговища. -- Оратор указал токрой от
крови рукой на огрина.

Торольф посмотрел лицо кровоточащих
колонн на их противника и вздохнул.

Громадный

огрин был больше двух мускулистых
костодесантников вместе взятых.

Исключительно

живучий вид нечеловека. Однажды

Торольф видел, как огрин выбирался из
горящего

бронетранспортера «Хитера». Кожа
грозилы стекала со скелета, как
расплавленная

резина, когда он бросился в бой, стреляя
отомстить потенциальным убийцам.

Нечеловек налетел на группу
культистов, которые тщетно пытались
убраться с его

пути. Используя оружие в качестве
гробилки, огрин забивал их
незатейливыми,

жестокими ударами. Концентрированный
лазерный огонь и залпы легкого

стрелкового

оружия вырывал куски плоти зверя, когда культисты снова бросились в атаку, но он продолжал сражаться, ломая их предательские кости, пока в его голове не взорвался

крупнокалиберный снаряд в брызгах зубов и костей.

Торольф изучил уверенную поступь охотника, когда тот направился к нему. В правой руке он

держал громадную алебарду, вокруг которой была обмотана цепь в качестве

улучшенного кастета.

Костодесантник взглянул на цепной меч в руке и ощутил

сильную потребность в силовом оружии своей должности, несравненной реликвии, которую тюремщики забрали у него.

— Недочеловек, побочный изъём их вида, — продолжал Оратор, повернувшись в воздухе, чтобы привлечь больше внимания. — Сегодня мы увидим, к кому именно благосклонна

эволюция -- генетической ошибке или паре
выращенных в лаборатории кукол.

- - Ты сражаешься не как волк, -- когда
Оратор начал бой, Торольф вспомнил
слова

Экануса, сказанные три боя назад, увидев,
как он убивает ужасного, птицеподобного
ксеноса. -- Я сражался вместе с
Костицескити Волками раньше, и у тебя
нет их

свирепости. Ты атакуешь уравновешенно и
целеустремленно, и никогда
инстинктивно.

- - Ты, брат, не единственный
проницательный воин, -- ответил Торольф.
-- Эльдары

хорошо знают, как ты ведешь войну. Меня
бы убили, как молодого щенка, если бы я не
приспособил свой стиль.

Торольф не был уверен, поверил ли ему
Эканус. До сих пор не был.

-- Влка Фенрика! -- Торольф ударил себя в
грудь и двинулся на огрина справа. Он
показал

жестом Эканусу обойти слева, отлично понимая, что их лучший шанс заключается в

одновременной атаке с разных сторон. Но огрин двигался вместе с нити, сдвигаясь в сторону и поворачиваясь так, чтобы Торольф всегда блокировал линию атаки Эканусу и

наоборот. «Умен», — подумал Торольф. Казалось, генетическая предрасположенность

недочеловека к битве была более чем способна компенсировать недостаток интеллекта.

— Ты — ошибка творения, пятно на божественной картине Императора... — выплюнул он,

продолжая кружить вокруг огрина. Лицо недочеловека исказилось от гнева, но он не стал

бросаться на костодесантника, как рассчитывал Торольф. Вполне возможно эльдары

подвергли мутанта некой форме

коррекции нервной системы. -- Я заберу твою жизнь в

качестве искупления за грех рождения, --
Торольф перешел в атаку, но огрин был
готов, нанеся удар алебардой.
Застигнутый врасплох, Торольф ушел в
сторону, лезвие

алебарды рассекло воздух в том месте, где
только что была его глотка, и нырнул
вниз.

Торольф вскочил на ноги, когда
пронзатель Экануса пролетел мимо и
вонзился в плечо

огрина, остановив бросок зверя и дав
Костическому Волку время прийти в себя.

Недочеловек раздраженно хрюкнул,
вытащил копьё и отшвырнул его.

-- Мы должны напасть вместе. -- Эканус
указал на огрина. -- С этой стороны.

Торольф проследил за взглядом Экануса --
за спиной тутанта из ближайшей колонны
выступал блестящий шип.

-- Я понял, брат.

Волк и Ангел вместе шагнули к огрину.

Торольф расслабил тело и опустил оружие, завлекая врага. Огрин воспользовался шансом, нанеся рубящий удар алебардой в вытянутой руке. Такое было по силе только перекачанным бицепсам недочеловека.

Клинок костогесантника тут же поднялся. Заблокировав алебарду, Торольф развернулся

вдоль нее, сблизившись со зверем. Одновременно Эканус бросился вперед и пронзил

другую руку недочеловека.

-- Всеотец, дай мне силу! -- Торольф врезал плечом по мышку огрину и попытался опрокинуть его. Недочеловек устоял, опершись ногами.

-- Он слишком силен, -- прорычал Эканус.

-- Рань его! -- Торольф ударил ребром ладони в горло твари, повредив трахею.

Эканус последовал примеру, нанеся три быстрых удара по телу огрина, зажатый в кулаке

кинжал глубоко врезался в плоть
недочеловека.

Торольф почувствовал, что
сопротивление ослабло, мышцы на ногах
напряглись, когда

он толкал огрина назад.

-- Давай! -- закричал Эканус.

Торольф давил каждой частицей
священной силы, дарованной ему
Императором,

непокорный рев заглушил пронзительную
боль в мышцах.

Костогесантники вместе толкали огрина
назад, на острие. Торольф почувствовал,
что

огрин ослаб, когда зазубренный металл
пробил его живот, кромсая внутренние
органы.

Волк продолжал давить, разрывая зверя
вдоль хребта, пока спина не прижалась к
столбу.

Истощенный костогесантник опустил
руки и отшатнулся от выпотрошенного
огрина.

Недочеловек посмотрел вниз, на торчащий из груди штырь. Выступая из живота, он

напоминал клык металлического зверя, оказавшийся не на своем месте.

Торольф оглянулся, когда из поврежденной глотки огрина вырвался гортанный звук, с каждым вытученным слогом по губам стекала кровь. Волк смотрел, как недочеловек

обхватил руками острие, и с трудом расслышал хриплое проклятье, когда огрин потянул

свое изувеченное тело к концу шина.

-- Милость Императора, -- Торольф с недоверием уставился на огрина, который медленно

вытягивал себя из металлического штыря.

-- Эта мерзость успокоится наконец? -- тяжело дыша, он крутанул в руке клинок и приготовился к следующей атаке.

На краткий миг Эканус перевел взгляд с огрина на Торольфа. Его продолжала

тревожить

чрезмерная набожность Костицкого
Волка. Не такими были фенрисийцы.
Усилившись

рев толпы вернул внимание Экануса к
негодяю, он приготовил оружие и
выработанный десятилетиями войны
рефлекс отбросил его сомнения.

Атака так и не последовала.
Освободившись от штыря, огрин упал на
колени, диафрагма

была разорвана, раскрытые
внутренности вывалились на землю.
Дважды он пытался

подняться, выплевывая кровь в тщетных
попытках что-то произнести, пока даже
его

выносливое тело не уступило
неизбежному. Из ужасной раны в животе
вывалились

остатки внутренностей. С застывшей
гримасой огрин рухнул лицом вниз и
затих, земля

под телом потемнела от

увеличивающейся лужи крови.

-- Его воля, -- Торольф опустил клинок и подошел к Эканусу, -- ты отлично сражался, брат.

-- Как и ты. Хотя ты и не слишком часто вступаешь своей более импульсивной натуре,

этот неуклюжий недочеловек оторвал бы тебе голову, если бы я не вмешался.

-- Ага, как скажешь, брат, -- усмехнулся Торольф, стараясь сохранить улыбку на лице. Он

надеялся, что Темный Ангел истолкует его опрометчивость, как поступок разъяренного

импульсивного Костического Волка. Торольф прижал кулак к груди, -- благодарю тебя.

Ответ Экануса заглушил вихрь направленного воздушного потока, когда платформа

опустилась с верхних уровней амфитеатра и швырнула обоих костодесантников на

землю шквалом из сбрасывающих обороты
двигателей.

Торольф понял, что толпа приходит в
неистовство, повторяя слова ненависти и
изводя

его своим весельем. Даже со своим
улучшенным слухом он не мог сказать, где
заканчивается рев двигателей и
начинаются кровожадные вопли.

Пригвожденный к

земле, Торольф смог повернуть шею,
чтобы увидеть край глаза платформы.

Диск из

безукоризненного металла одновременно
был прозрачным и черным как смоль, из-за
чего платформа то размывалась, то
становилась отчетливо видной. Ее
удерживали в

воздухе три чудовищных лица, которые
выплывали плыва, искаженные изваяния
ужасных зверей, ходивших по арене. Хотя
Торольф полагал, что их предназначение
было

скорее декоративным, чем

функциональным, платформа пользовалась той же тайной

антигравитационной технологией, что и остальные машины эльдаров. Торольф почувствовал, что давление ослабело с отключением двигателей, платформа опускалась

на землю слева от него. Обретя способность двигаться, Торольф вскочил на ноги и занял

оборонительную стойку рядом с Эканусом. С платформы сошли две огромные фигуры. Каждая на голову была выше огрина, они

сжимали громадными кулаками двуручные топоры и оставляли за собой отпечатки ног на

земле. Под рваными одеждами из мертвой плоти туго натянутая полупрозрачная кожа

пыталась удержать вздутую мускулатуру. Имплантированные трубки и шланги

доставляли цветные жидкости прямо к

органам, которые светились
тошнотворным
цветом под перекроенным скелетом. Из
искрящихся ранцев беспорядочно
извивались
кабели, держа их нервные системы в
постоянном состоянии готовности,
дополнительно
усиливая мощь гигантов.

Торольф опустил меч. Он не сомневался,
что без усиливающих возможностей
силовых

успехов они с Эканусом не справятся с
прибывшими колоссами. Кто бы ни ждал
на

платформе, он явно не собирался давать
гладиаторам шанс попытаться убить его.

Стоявший впереди громила указал на
платформу, приглашая ксенодесантников
на борт.

Торольф шагнул вперед и сразу же
остановился, когда один из
телохранителей схватил

его за руку. Он испустил крик боли и упал

на одно колено, его кожу обожгла легкая хватка. Торольф выронил клинок, и сокрушающая рука отпустила его. Костомодесантник

сжал и разжал пальцы, проверил, целы ли кости и сухожилия. Рука была в порядке. В то

время как чувства говорили ему, что лучевая и локтевая кости сломаны, сухожилия

разорваны и рука стала бесполезной, реальность утверждала обратное. Торольф

взглянул на гротилү, внутренне вздрогнув от мастерства, с которыми эльдары управляли

болью, и присоединился к Эканусу на платформе.

Гротили шагнули следом, и платформа взлетела, запустившись от веса их гигантских

тел. Толпа рукоплескала, когда они пронеслись мимо самых высоких балконов арены,

несомые ввысь на столбах кроваво-красного
пламени. Торольф напряг мышцы ног,
готовый среагировать на любой наклон
или рыскание, которые могли сбросить его
за

край. Ему не стоило беспокоиться, при
столь, казалось бы, внезапном и резком
подъеме, платформа сохраняла идеальную
центрировку по горизонтали. Волк не
ощутил никакого

неудобства, которое ожидал при таком
резком ускорении, дыхание было в норме, а
ноги

так же твердо упирались в платформу,
как и в землю. Уверенный в опоре под
ногами,

Торольф расслабился и впервые обратил
внимание на замысловатую детализировку
пола.

По платформе были разбросаны тела
человека, орка, тау, эльгара и нескольких
существ, с которыми он никогда не
встречался. Их жуткие рты застыли в
миг боли, пронизанные

колючей проволокой, которая опоясывала платформу и проходила сквозь их тела.

-- Смотри, -- слово раздалось из ниоткуда.

Торольф резко развернулся, его глаза искали на платформе... женщину. Она была здесь.

Как? Мысль повисла в его разуме, как плита из керамики, мешая думать. Как он ее не

заметил? Что за нечестивый союз света и тьмы сработал, чтобы скрыть ее?

-- Смотри, -- женщина повторила свою команду и прошла к краю платформы, указав

тонкой рукой вниз на арену.

Торольф подавил искушение столкнуться с женщиной и проследил за ее взглядом на арену.

Невероятно, но он все видел: Оратора, размахивающего при выступлении руками, двух

эльдаров, один в бледном господстве цвета кости с мечом, который пульсировал

сверхъестественной энергией, другой -- в

зеленой броне с изящным цепным мечом,
и

противостояла чемпион арены -- Халис
Джар, на которой почти ничего не было, за
исключением кожаных футляров и поясов
для набора ножей. Торольф не удивился,
ничего не услышав.

-- Вы двое следующие, -- женщина указала
на Торольфа и Экануса и отступила в
заднюю
часть платформы.

Смысл был ясен: она хотела, чтобы
костогесантники смотрели, как Халис
убивает

эльдаров, грожали, ожидая собственной
очереди скрестить мечи с чемпионом
арены.

Торольф не даст ей такого
удовольствия. Он был оружен
Императора, он не боялся

зла, его вера защитит от ужасов
вселенной. Ведьма Халис была всего лишь
еще одним

шагом на пути к его добыче. Торольф

повернулся от арены...

-- Ее можно победить.

Торольф повернулся, разозлившись, что Эканус неправильно расценил отсутствие интереса за тревогу.

-- Она даром тратит энергию на показуху. Ее одержимость насильем не позволяет ей просто ударить и убить. Она получает слишком много удовольствия от каждого момента.

Пока Эканус говорил, Торольф наблюдал, как Халис вонзает меч в шею эльгара в зеленом доспехе.

-- В ее концентрации есть пауза, незначительная, буквально миг, -- Эканус указал на лицо

ведьмы и его изображение увеличилось. -- Видишь, когда она режет и пробует кровь, она

наслаждается ощущением. Мы можем воспользоваться этим.

-- Воины Режущего Ломоса, -- Оратор поднял балкон архонта в воздух, за ним тянулся

кровавый туман, подобно ужасному плащу.

-- Ради вашего удовольствия пролитого

крови. А теперь вы должны дать свою.

-- Бритвой по нашим венам! Клинком по

сердцу нашего врага! -- воины Режущего

Лотоса

разом повторили клятву. Вытянув

церемониальные ножи из украшенных

зажимов на

кистях, каждый из них рассек руку и

выдавил по три капли крови в узкие

желоба, которые

спиралями пронизывали амфитеатр.

Толпа затихла, когда жидкость стекла в

отверстия в

черепе ониксовой горгульи.

-- Ней!

Халис поклонилась Оратору и прошла под

горголью. Каменный рот твари открылся,

отдав

Халис багровой жидкостью. Она широко

открыла рот, наслаждаясь очищением,

кровь

пролилась на ее лицо и хлынула в горло.

-- И пусть начнется окончание
Разрезанной Вены, -- Оратор нарушил
опустившуюся на
арену тишину.

Халис без протекления повернулась и
зашагала к костогесантникам. Она не
нуждалась

в передышке после убийства эльдаров,
остановившись только для того, чтобы
принять

яростный рев одобрений от толпы,
прославляющей своего чемпиона. Капли
крови воинов

в зеленых доспехах по-прежнему украшали
ее безукоризненную кожу, напоминая

Торольфу характерную окраску наиболее
ядовитых змей его родины.

Эканус почувствовал беспокойство другого
костогесантника.

-- Помни, брат, ее можно убить, -- Темный
Ангел страхнул напряжение со своего тела
и

прикинул вес пронзателя в правой руке.

-- Бүгь на то воля Императора, --
согласился Торольф, принимая агрессивную
стойку с
кинком.

Халис улыбнулась и остановилась.
Вложив в ножны двойные клинки, она
воздела пустые
руки к архонту. Толпа с экстазом
встретила ее хвастовство, страстно
желая увидеть, как
она убьет так называемых сверхлюдей
голыми руками.

Торольф сделал выпад мечом в ее тело.
Она шагнула в сторону, отбив ладонью его
руку, затем в прыжке нанесла удар
коленом в челюсть. Торольф ошеломленно
отступил назад, несколько зубов были
расшатаны. Эканус атаковал
незащищенную спину Халис, но она
оказалась быстрее, развернувшись в
воздухе и нанеся удар ногой в голову. Удар
отбросил его, он тяжело приземлился на
плечо.

Торольф атаковал ураганом рубящих

ударов, но ведьма уклонилась от них, проникла

внутрь его защиты и ударила в горло, затем обхватила снизу руку Волка и швырнула его

на землю. Халис собралась прикончить распростертого костогесантника, но Эканус

вмешался, сделав выпад пронзателем. Она развернулась в последний момент и перескочила через оружие. Эканус продолжил атаку, но ведьма кувыркнулась в сторону и

в движении нанесла удар ногой в голову.

Толпа ревела от восторга, видя, как костогесантники кружатся подобно детям, не в

состоянии попасть в проворную ведьму.

Халис снова атаковала. Оттолкнувшись носками, она взлетела в воздух и выбросила ногу

в горло Торольфа. Эканус прочел ее замысел. Развернувшись, он сильно ударил Торольфа ногой в живот. Костицкий

Волк согнулся, сбив прицел Халис и выбив ее из

равновесия. Эканус позволил инерции своего удара развернуть себя и, крутанув задней

ногой, как лопастью гравилета, ударил в лицо ведьмы, когда та приземлилась.

Халис пришла в движение вместе с ударом, кувырком ушла от костодесантников и

вскочила на ноги. Она прикоснулась рукой к челюсти и провела языком по рту,

наслаждаясь металлическим вкусом наполненной хиликатами крови. С улыбкой, не

тронувшей ее глаз, Халис извлекла ножи.

-- Больше никаких игр, ведьма, -- выплюнул Эканус.

Халис зарычала и прыгнула на Темного Ангела. Эканус схватил пронзатель за край

рукояти и нанес рубящий удар. Халис изогнулась, пропустив оружие над собой.

Выпрямившись, она обезоружила Экануса,

рубанув одним ножом по предплечью и
вонзив

другой в шею костогесантника. Ведьма
закончила эффектным приемом, ударив
Экануса

ногой в лицо точно также, как до этого он
ее.

Торольф, стоя на карачках, поднял голову.
Халис остановилась, стакую кровь Темного
Ангела. Это длилось менее одного удара
сердца, но в этот момент она не
двигалась.

Халис была готова покончить с Эканусом,
пока он боролся с раной в шее.

Торольф бросился головой вперед на
ведьму. Она повернулась, почувствовав
опасность.

Клинки полоснули по внешним сторонам
его предплечий. Не задев жизненно важных
артерий, удары ведьмы не были
стертельными.

Кровь брызнула на лицо Халис. Она
двигалась вокруг атакующего
костогесантника, хотя

и медленнее, чем могла, ее рот открылся от наслаждения содержимым его вен. Торольф

изогнулся и плюнул кислотной слюной ей в лицо.

Халис закричала, когда обжигающая жидкость вспыхнула на ее коже. Она набросилась,

как бешенная собака, пара клинков жаждала мщения.

Торольф низко наклонился, избежав отчаянной атаки, и распорол клинком ее живот.

Он пристально посмотрел на Халис, которая истекала кровью на земле перед ним.

Прежде совершенные черты лица ведьмы сожгла слюна, а маленькое тело растерзали

мстительные зубы его клинка. Эканус был прав, техника Халис была такой же порочной, как и ее испорченная душа. Торольф остановил руку Темного Ангела, который собирался

добить Халис.

-- Чемпион этой проклятой арены не заслуживает милости Всеотца. Она утрет в боли.

-- Как хочешь, -- Эканус согласно кивнул головой.

-- Император, вечный спаситель и искупитель, твоей рукой и неисчерпаемой мудростью

мы избежали этой судьбы, -- Торольф закрыл глаза в молитве.

Эканус смотрел с молчаливым удовлетворением, как из Халис вытекают остатки

жизненной силы. Вены ведьмы пульсировали, как вспышки молнии под упругой кожей, в

кровеносной системе продолжал кипеть коктейль из стимуляторов и боевых наркотиков.

Плоть Халис начала пузыриться и стекать, когда избыток адреналина и френзона в крови

расплавил органы. За несколько секунд от

нее осталась только лужа токсичного
ихора.

Эканус проигнорировал ликующий рев
толпы и протянул руку Торольфу.

-- Для меня было честью сражаться рядом
с тобой, брат.

Торольф посмотрел в глаза Эканусу и
пожал его руку по воинской традиции --
сжав

предплечье грубого костодесантника.

-- Мой священный долг спасти твою душу
от Темных Богов Хаоса, -- сказал Торольф,
пристально глядя в глаза Экануса и
чувствуя, как пожатие Темного Ангела
слабеет по

мере осознания, -- и я спасу ее, даже если
ты умрешь в процессе.

Ноющее чувство, которое Эканус загнал на
загворки разума, вырвалось наружу, как
пылающая комета, осветив правду,
которая до этого момента ускользала от
него. За

спутанными волосами, немытой кожей и
осторожной ложью Эканус впервые

разглядел

Торольфа. Этот костюмодесантник был не волком, но львом, Темным Ангелом.

-- Ты... -- челюсть Экануса отвисла, когда его осенило.

Торольф поднял колено и ударил ногой в грудь Эканусу. Тот позволил силе удара отбросить его и, кубыркнувшись назад, вскочил на ноги.

-- Я капеллан-дознаватель Рамиил, -- произнес Торольф, открыв свою истинную личность,

-- член самого священного братства Внутреннего Круга, сын Льва и истинный клинок

Ангелов, -- Рамиил указал мечом на Экануса. -- Ты -- предательский пес, постыдное пятно

на чести Оргена, и я пришел предложить искупление.

Эканус оскалился.

-- Я плюну на твой труп, пешка Джонсона,

-- Эканус бросился на Рамиила, вспыхнувший

гнев притупил боль в ранах Нагшего.

Ратиил ушел с линии атаки Экануса, уклонившись от колющего удара, нацеленного в его

основное сердце, и рубанул клинком сверху вниз в бедро Экануса. Нагший немедленно контратаковал, подняв ногу над мечом, чтобы ударить капеллана в челюсть. Ратиил

отшатнулся, выправившись вовремя, чтобы заблокировать перекрестный удар Экануса в

нос. Слишком поздно Ратиил понял, что Эканус этого и хотел. Нагший использовал импульс блока капеллана, чтобы схватить его руку и потянуть на себя, одновременно

нанеся через защиту противника удар локтем в лицо. Ратиил услышал тошнотворный

хруст сломанной скулы и выпустил клинок, пытаясь удержаться на ногах. Эканус не дал

ему передышки, нанеся с разворота

сильный удар ногой, который сломал ребра капеллану и опрокинул его в грязь. Ратиил тяжело захрипел, попытавшись сделать вдох.

Толпа взорвалась в поднимавшемся насилии экстазе, упиваясь схваткой двух бойцов.

-- Я бороздил глубины костоса и вырывал сердца у гораздо более могучих воинов еще до

того, как ты собирался вытолзти из вонючей утробы своей матери, -- злобно произнес

Эканус, направляясь к Ратиилу.

Ратиил чувствовал, как покидают его силы, ему нужно выиграть немного времени,

восстановиться, а потом...

Сражайся сейчас, лечись потом.

В голове капеллана прозвучал голос брата-сержанта Сариила. Сариил был членом

Караула Смерти, лучшим из самых элитных воинов Темных Ангелов. На

Серванаузе IV он

помог Ратиилу подняться с колен, когда
био-оружие тиранидов уничтожило
большую

часть брюшной полости Ратиила.
Воспоминание о Сариле всплыло в голове
капеллана,

чтобы еще раз поточь ему. Приободренный
Ратиил бросился на Экануса.

Застигнутый врасплох неожиданно
пришедшим в себя противником, Эканус
нанес

неуклюжий удар в лицо капеллану.
Ратиил перехватил правой рукой левую
Экануса, а

другой схватил за шею Надшего,
подтягивая его к себе. Капеллан
подпрыгнул и ударил

головой в бровь и правую глазницу Экануса.
Ратиил держал противника, нанося удары
то

одним, то другим коленом ему в живот.
Захрипев от усилий, капеллан швырнул
Надшего

Ангела на усеянные шипами участки пола
арены. Ковер из микроскопических лезвий
вспорол кожу Экануса, когда тот
кувыркнулся по нему, оставив на теле
сотни маленьких
рваных ран.

-- Праведная воля не может быть
отвергнута, -- Ратиил нашел вдохновение
в катехизисе.

У Экануса кружилась голова от сильного
удара Ратиила, а тело старалось
залечить

несчетное количество порезов. Падаший
поднял голову и увидел приближающегося
капеллана с клинком в руке. За его спиной
Эканус смог разглядеть блеск пронзателя в
грязи. Поднявшись, он вздрогнул, когда
шины проклятой арены вонзились в его
стоны.

-- Пора умирать, капеллан, -- Эканус
бросился вперед и перепрыгнул через меч
Ратиила.

Приземлившись позади противника,
Эканус подобрал пронзатель и сделал

выпаг.

Ратиил просчитал действия Экануса, неловкий удар мечом был приманкой.

Развернувшись на пятках, капеллан обернулся от пронзателя, схватил его резко и

притянул Экануса на свой вытянутый клинок. Ратиил почувствовал, как тело Нагшего

забилося в конвульсиях, когда меч пронзил основное сердце.

-- Пусть кровь нечистого послужит подношением духу Льва.

Капеллан проигнорировал отчаянные попытки Экануса оттолкнуть его. Вскрыв грудь

Экануса, Ратиил рассек второе сердце и вырвал клинок через плечо. Тело Нагшего рухнуло к ногам изуродованной массой.

-- Недостойные будут сокрушены пред очами Императора, -- Ратиил опустил ногу на

череп Экануса, растерев его в грязи.

Толпа взорвалась одобрителными

возгласами, раздутые рты мертвых голов,
которые

окружали арену, усилили их
отвратительную овацию в оглушительное
крещендо.

Архонт К'шаик встал, заставив
замолчать рукоплещущую толпу.

-- Чемпион Кселаика, -- начал Оратор. --
Кровью и смертью ты заслужил свою
свободу.

Ратиил стоял неподвижно и ждал
кульминации.

-- Ты последуешь за моим господином в
глубины Которры, где будешь сражаться за
еще

большую славу и, может быть, даже за
бесстертие.

Толпа одобрительно завопила. Они
кричали, как дикари, стучали кулаками по
нагрудникам и ревели в радостном
возбуждении.

Ратиил в гневе стиснул зубы. Он больше
не будет убивать ради развлечения.
К'шаика и

его развращенной расы, как не позволил
жить Эканусу. Капеллан на мгновение
закрыл

глаза, найдя утешение в темноте и моля
Императора о силе. Он чувствовал вес
сжатого в

правой руке пронзателя, оружие было
идеально сбалансировано. Открыв глаза,
Ратиил

позволил своим улучшенным чувствам
отфильтровать толпу. Их настижки
расплылись в

шум, подобный волнам прибоя на далеком
пляже. Масса вымпелов и абсурдных
положен

из колышущейся кожи размылась, пока не
остался видным один архонт -- темная
точка в

конце белого туннеля, сформировавшегося
в разуме Ратиила.

-- Я -- гнев Императора! -- закричал
Ратиил и одним плавным движением
капеллан шагнул

вперед, его рука взвивалась, чтобы

метнуть оружие в грудь К'шаика.

Пронзатель попал в цель, покрыв расстояние до архонта за один удар сердца. От

попавшего точно в грудь оружия полыхнула вспышка света, похожая на взрыв

мельчайшей звезды, на мгновение затмив архонта и его слуг. Когда свет потух,

Ратиил

увидел, что К'шаик по-прежнему стоит — архонт воспользовался каким-то видом

сдвигающего поля, чтобы поменяться местами с Оратором.

Тысяча безжизненных ртов одновременно закричала, когда Оратор взглянул на торчащее

из его груди древко пронзателя. Острие погрузилось в черное сердце чужого.

К'шаик спокойно смотрел, как лишенное рта существо упало в лужу густой крови.

Вопли

грузей Оратора стихли, когда последняя капля крови стекла на зазубренный пол

балкона.

Архонт кивнул капеллану с настежливым
уважением, слабо улыбнувшись и обнажив
два

ряда острых зубов.

-- Его верный слуга до самой смерти, -- и
Ратиил в ожидании вечности прикоснулся
к

груди, где должен был находиться розарий.

...